

ГЛАВА 1

Это весеннее утро понедельника у оперуполномоченного Главного управления уголовного розыска полковника Льва Ивановича Гурова практически ничем не отличалось от всех других похожих друг на друга понедельников. Ну, разве что некоторыми нюансами, как, например, то, что сегодняшнее понедельничное утро полковник встретил один, без своей любимой супруги Марии. Но и этот нюанс был, в общем-то, привычен для Льва Ивановича. За много лет совместной жизни с актрисой одного из ведущих театров Москвы как-то привыкаешь к тому, что жена по нескольку раз в год (а вернее, за театральный сезон) убывает в разные турне и гастроли.

Не сказать, что Лев Иванович совсем уж привык к такому практически холостяцкому образу жизни. Ему было бы намного спокойнее, если бы Маша работала где-то в пределах его каждо-

дневной видимости. Но Гуров, как никто другой, понимал, что даже тогда он не мог бы так часто видеть свою красавицу жену. А все оттого, что профессия самого Льва Ивановича не располагала к тихой и в какой-то мере скучноватой семейной жизни.

Вот и теперь, проснувшись рано утром в первый понедельник начавшейся за окном весны, полковник не спешил вставать. Поддавшись внезапно нахлынувшем на него воспоминаниям о своей молодости и своих ухаживаниях за тогда еще будущей женой, он подумал, а вернее, даже пробормотал:

— Интересно, если бы Маша была не актрисой, а, скажем, учительницей математики или банковским работником, а я не был бы оперативником, смогли бы мы удержать свой брак, свои отношения и свою привязанность друг к другу до сей поры?

Лев Иванович немного подумал, поворочался с боку на бок, несколько раз вздохнул, посопел и пришел к выводу, что, наверное, их с Машей работы тут вовсе ни при чем. «У нас с ней, — пришел Лев Иванович к утешительной мысли, — даже когда мы далеко друг от друга, остается связь. Остается хотя бы тоненькая ниточка душевного тепла, любви и воспоминаний, которая не дает нам с ней забыть о тех чувствах, которые мы испытали друг к другу при нашей первой встрече. Для нас каждое расставание — это ожидание

новой встречи. А каждая встреча — это первая встреча. Да, наверное, именно поэтому у нас нет привычки друг к другу. Той привычки, которая возникает у тех, кто долго живет вместе и теряет в буднях всю радость первых взаимоотношений».

Удовлетворенный своими размышлениями, изысканиями и выводами, Лев Иванович бодро встал, сделал несколько привычных для него утренних упражнений, умылся и направился на кухню. Покосившись на баночку с кофе, которая стояла на кухонном столе, Лев Иванович вспомнил наказ жены и знакомого врача, советовавших ему ограничить кофепитие до минимума. Заварив себе крепкий зеленый чай и наскоро пожарив яичницу, Гуров безо всякого удовольствия принялся завтракать, занятый какими-то далекими от работы мыслями и мечтаниями. Вдруг он краем уха услышал далекую переливчатую мелодию мобильника и ощутил, как все его мысли нехотя возвращаются из далеких и приятных воспоминаний в будничное и не совсем приятное сегодня. Вздохнув, Гуров быстрым шагом прошел в спальню, где на комодѣ одиноко надрылся мелодией его телефон.

— Гуров, — не глядя на экран айфона, буркнул Лев Иванович.

Он еще не до конца вернулся в реальность после приятных путешествий в прошлое, а потому его сейчас мало интересовало, кто бы мог ему так рано звонить. Жена, о которой он только

что вспоминал, находилась в другом часовом поясе и наверняка еще спала сладким сном, а значит, позвонить ему не могла. Все остальные могли, по мнению Льва Ивановича, подождать, пока он не приедет на работу. Но, к сожалению, это было только мнение Льва Ивановича, но никак не секретарши его начальника — Верочки, а значит, и не самого генерала Орлова Петра Николаевича.

— Доброе утро, Лев Иванович, — вежливо поздоровалась с ним Верочка. Она была тайно (хотя об этом все, включая самого Льва Ивановича, знали) и безнадежно влюблена в полковника Гурова. — Петр Николаевич срочно вызывает вас к себе в кабинет. Вот прямо сразу как приедете в управление, так сразу же к нему, — зная характер Льва Ивановича, твердо и с нотками наставительности произнесла Верочка.

Полковник быстро посмотрел на циферблат наручных часов, которые ему на последний день рождения подарила жена, и насмешливо ответил секретарше:

— Можно подумать, что вы, Верочка, не говоря уже о нашем любимом начальнике Петре Николаевиче, уже на рабочем месте. Время — еще восемь нет.

— Вот не зря вас, Лев Иванович, считают лучшим оперативником в управлении. Ничего-то от вас не укроется. Даже из дому видите, что я еще не на работе, — колко ответила на

выпад Гурова Верочка и, томно вздохнув, добавила: — Просто вчера, когда Петр Николаевич уходил с работы, он наказал мне вызвать вас завтра наутро к себе. Но я не стала вечером звонить, потому что знала, что вы свою супругу на вокзал сопровождать будете и не до того вам, не до работы, значит. А вдруг забыли бы все, что я вам передала... Вот я утром пораньше и позвонила.

— Если говорить откровенно, Верочка, то лучший в нашем управлении сыщик — это вы, — рассмеялся Лев Иванович. — Откуда вы узнали, что я провожал жену на гастроли?

— Ой, да об этом все управление знает. — Гуров так и видел, как Верочка при этих словах закатила свои прелестные глазки. — Вы сами вчера через Станислава Крячко передали Орлову, что уходите с работы пораньше, чтобы проводить супругу.

— А, ну да, было такое, — улыбнулся Гуров.

— Ну, так я вам передала слова начальника. Не опаздывайте, он этого...

— Не любит, — смеясь, перебил секретаршу Лев Иванович. — Хорошо, я понял.

Верочка отсоединилась, а Гуров, немного постояв с телефоном в руке, усмехнулся каким-то своим, таинственным и не совсем оформившимся во что-то конкретное мыслям и пошел на кухню. Естественно, яичница уже остыла, как, впрочем, и чай, но Лев Иванович мужественно

принял сей факт и закончил завтрак, хотя уже и безо всякого удовольствия и в задумчивости. Но теперешние его мысли были не так романтические, как прежние, — он думал, зачем же так срочно понадобился Орлову.

«Наверняка не в отпуск предложит уйти пораньше, — думал Гуров. — Ни разу не было такого, чтобы Петр меня раньше графика отправил на законный, между прочим, отдых. Он и по графику-то неохотно отпускает. Значит, опять какое-то срочное расследование намечается — одно из тех, которое вынь да положь. Хоть бы оно не затянулось, как предыдущее, а то ведь через неделю уже отпуск начинается. Как раз Маша вернется с краткосрочной гастрولي. Мы с ней хотели к ее тетке в Ялту съездить. Там в начале марта уже тепло, и миндаль цветет. Опять же воздух морской, полезный...»

Додумать пришедшую к нему приятную мысль Лев Иванович снова не успел. Его мобильный зазвонил второй раз за утро. На этот раз Гуров все-таки глянул на экран, чтобы узнать, кто звонит, и удивился, увидев незнакомый ему номер.

— Гуров слушает, — осторожно сказал он в трубку и вдруг испугался, что звонят по поводу Марии и с ней случилось что-то страшное и непоправимое.

— Лева? Это Дина. Дина Соколова. Ты меня помнишь?

Да, Дину Соколову Лев Иванович помнил очень хорошо. Это была не просто его одноклассница, а одноклассница, в которую он был давно и безответно влюблен в последних классах школы. Гуров хорошо помнил тоненькую невысокую черноволосую улыбчивую Дину с круглыми щечками, с симпатичными ямочками на этих самых щечках. Вспомнил и то, как он смотрел на нее украдкой на уроках, когда она сидела рядом с ним за партой и, уткнувшись в учебник, что-то читала, или на переменах, когда она весело о чем-то болтала с подружками. Гуров в одно мгновение вспомнил еще много чего, что касалось Дины, и эти воспоминания опять, как и совсем еще недавние о Марии, унесли его в юность. В другую, совсем еще невинную юность, неопытную, наивную. В ту, где любовь представлялась ему раненым голубем, которого он так и не смог оживить и который умер, не приходя в сознание, прямо у него на руках. Что ж, это было, и было так давно, что Лев Иванович даже и думать об этом забыл, но вот теперь вспомнил.

— Дина? — удивленно переспросил он. — Конечно же, я тебя помню! Это просто чудо какое-то, что ты узнала мой номер телефона. Столько лет прошло...

— Да, времени уже много прошло, — грустно повторила за ним Дина. — Но чудо, с помощью которого я узнала твой телефон, называется

сейчас «интернет». А вернее, «Одноклассники». Твой номер мне дал Даня Петров. Он как-то пересекался с тобой...

— Да-да, было дело пару лет назад, — рассмехался Гуров. — Мы с ним случайно столкнулись, я тогда вел одно дело... Данька потом пару раз мне звонил, приглашал на встречу выпускников...

— Лева, ты извини, что перебиваю. Я ведь не просто так позвонила. Мне очень нужно с тобой встретиться. У меня проблема, и решить ее сможешь только ты.

— Что-то случилось? — Лев Иванович почувствовал в голосе одноклассницы слезы.

— Давай я расскажу тебе все не по телефону. У меня рейс сегодня из Симферополя на половину пятого. В Москве буду в семь вечера. Ты не смог бы меня встретить?

— Из Симферополя? — сначала не понял Лев Иванович, но потом вспомнил, что Петров говорил ему при встрече, будто Дина давно уже живет в Крыму.

Гуров вспомнил и кое-что другое, о чем рассказывал ему тогда его одноклассник, — Дина вышла замуж за парня из крымских татар и сразу после окончания института искусств уехала из Москвы. Да так и осталась жить на полуострове. Оказывается (Гуров этого и не знал тогда, в школе), ее мама была родом оттуда, из Крыма. ■ Но училась в Москве и вышла замуж за русско-

го. Поругалась в свое время из-за этого брака со всей своей многочисленной родней и долго ни с кем не общалась. В общем, обычная история жизни, каких много.

— Хорошо, я обязательно тебя встречу, — пообещал он, но вдруг подумал, что, может быть, он зря ей это обещает, ведь он и сам еще толком не знает, что ждет его сегодня у Орлова и куда заведет его новое расследование. — Куда прилетает самолет?

— Во Внуково, — ответила Дина. — Знаешь, просто меня больше некому теперь встречать. Брат на Украине живет с мамой, а отец умер. Родственников в Москве совсем не осталось, — словно оправдываясь, объясняла одноклассница. — Петров предлагал меня встретить, но я не захотела... — в голосе Дины Гуров снова услышал слезы.

— Ничего, ничего, — успокаивающе ответил он. — Я ведь тебе сказал, что встречу. Значит, встречу.

— Ну, тогда я спокойна. — Дина все-таки не удержалась и всхлипнула и сразу же отсоединилась, словно боялась сочувствующих вопросов со стороны Гурова.

— Дина. Дина Соколова, — словно пробуя старое и забытое им уже имя на вкус, медленно и задумчиво проговорил Лев Иванович и, посмотрев на часы, стал одеваться на работу.

Когда Гуров вошел в приемную генерала Орлова, Верочка что-то яростно печатала на клавиатуре тонкими наманикюренными пальчиками. Глянув на Льва Ивановича, она мило, но сдержанно улыбнулась и, кивнув на двери, сказала:

— Входите, уже ждут.

— Ждут? — переспросил Гуров, не торопясь войти. Он редко когда являлся к Орлову пред его ясные очи, не узнав у Верочки, кто еще у него есть в кабинете.

— Волгин собственной персоной, — чуть наклонившись, прошептала Верочка.

Генерал-лейтенант Волгин Сергей Федорович был начальником Главного управления по контролю за оборотом наркотиков и слыл у своих подчиненных начальником строгим и требовательным, бдительно следящим за всеми расследованиями, а заодно и за моральными качествами своих сотрудников. За что и получил в свое время от подчиненных кличку Цербер. О том, как его называют за глаза, Волгин знал и не обижался, он даже гордился таким к нему отношением.

— Если бы не уважали, назвали бы «вонючкой» или еще как похлеще, — со спокойным видом замечал он тем, кто указывал ему на его прозвище и его требовательную натуру. — А раз назвали в честь адского пса, значит, уважают и боятся. Что, впрочем, одно и то же. А раз бо-

ятся и уважают, то и дело свое будут делать должным образом, с усердием и честностью. Мне же большего и желать не надо.

Гуров вошел в кабинет начальника и друга с некоторым беспокойством. Он знал, что Цербер не будет заглядывать к ним в главк по пустякам, а потому ожидал от него какой-то каверзы, а вернее, дела, которое оказалось не по зубам его «щенкам», как называл своих оперативников Волгин. Причем слово «щенки» не было в его понятии ругательным или уничижительным. Просто Волгин рассуждал так, что раз уж подчиненные зовут его именем адского пса, то они для него, старого и опытного служаки, будут щенками, то бишь детьми. А он, как отец, будет их учить и воспитывать.

— Полковник Гуров явился по вашему приказанию, — отчеканил по старой привычке Лев Иванович.

Сказал и осекся, потому что знал, что генерал Орлов не любил, когда он, Гуров, так официально ему представлялся, и всегда обрывал его фразой, что, мол, являются только привидения. Это приветствие и ответ на него давно уже стали между Гуровым и Орловым, которые сдружились за многие годы совместной службы, неким шутовым паролем и отзывом. Теперь же, в присутствии Волгина, генерал отвечать Гурову не стал, а лишь глянул на него и многозначительно хмыкнул.

— Проходи, садись, — коротко махнул Петр Николаевич рукой, указывая Гурову на стул напротив Волгина. — Представлять не буду, и так знаете, кто есть кто.

Гуров прошел и, поздоровавшись с генерал-лейтенантом, сел и приготовился внимательно слушать.

— Это я просил Петра Николаевича вызвать тебя, — вместо Орлова заговорил Сергей Федорович. — Нам, видишь ли, твоя помощь понадобилась. Ты ведь уже с моими ребятами как-то вел одно дело, — не столько вопросительно, сколько утвердительно отметил Волгин.

— Да, пришлось года три назад, — подтвердил Лев Иванович.

— Так вот, теперь нужно, чтобы ты опять с ними поработал. Тем более что убийство — специализация вашего управления. А у нас, по ходу нашего расследования, по всей видимости, именно убийство обозначилось. И не одно.

— Что значит, по всей видимости? — не совсем понял Лев Иванович. — Убийство — оно или есть, или его нет. Эксперты что говорят?

— Вот в том-то и дело, что убийство наши эксперты начали подозревать, только когда третий похожий случай произошел. Ты ведь сам, Лев Иванович, должен понимать, что у нас все весьма специфично. Наркотики — это больше орудие самоубийства, чем убийства...

— Это смотря как посмотреть, — вмешался Орлов. — Тот, кто наркотики выращивает, производит и продает, — явный убийца.

— Убийца, — согласно кивнул Волгин, — но не явный. Вину его ты, Петр Николаевич, вот так просто не докажешь. Это тебе не пистолетом застрелить или ножом пырнуть. Наркотики ран не оставляют, хотя все внутренности и мозг уничтожают похлеще, чем любое другое оружие. Наркоман сам себе убийцей становится, когда начинает всю эту гадость в себя впихивать: таблетками, порошком, уколами, куревом... Впрочем, не мне вам лекции читать, и так всё без меня знаете.

— Так почему все-таки ваши эксперты подумали об убийстве? Может, обычный передоз? — поинтересовался Лев Иванович.

— Обычный, необычный... — проворчал Волгин. — Вот именно что необычный. Но сразу это не поняли. А вот когда происходит третий идентичный случай за полгода — невольно задумаешься не о превратностях судьбы, а о намеренном умысле, — замысловато выразился генерал-лейтенант и ненадолго замолчал, словно и впрямь задумался об этом самом злом умысле.

— Ну так причина смерти все-таки в чем? — решил прервать его задумчивость Лев Иванович. Он, конечно же, знал привычку Цербера все объяснять не торопясь и вдумчиво, но ему не терпелось все-таки узнать, в чем заключалась теория экспертов, говорящая об убийстве.

— Есть такой вид психоактивного вещества, называемый синтетическим или дизайнерским наркотиком, — начал объяснять Волгин. — Их не один десяток разновидностей, поэтому в подробности вдаваться не буду. Все запрещенные вещества, которые когда-либо всплывали на территории нашей страны, мы выявляли и фиксировали, внося их в базу данных. Продают их, как вы тоже, наверное, знаете, в основном по интернету.

— Да, я помню и схему продаж, и все, что с такими наркотиками связано, — подтвердил Лев Иванович.

— Так вот, буквально год назад появился на российском рынке, так сказать, новый вид «соли», то есть синтетического наркотика в порошке — мефедрон. Это психостимулятор, эйфоретик и эмпагоген в одном флаконе. Появился он впервые в Англии и был представлен наркоторговцами, которые пытались обойти закон о запрещенных веществах, как специальная соль для ванн или как удобрение для растений. Но, естественно, что все это было только прикрытием.

Волгин со значением посмотрел на Гурова, и тот понимающе кивнул.

— Так вот, теперь он появился и у нас. Кто и когда его завез, мы пока так и не выяснили — настолько хорошо все организовано и законспирировано. Но нам известно, что распространять его начали именно с Москвы. Мы уже год как ловим по всем московским ночным клубам нар-

команов, которые подсели на этот мефедрон. Но они и сами толком не знают, кто наркотик распространяет. Весь процесс купли-продажи первоначально шел, как и обычно, — через закладки. Причем каждый раз места закладок менялись, и мы просто не успевали проследить за процессом.

— Но как-то ведь наркоманы связывались с дилером, кто-то ведь указывал им, где и как они должны оставить деньги и взять товар? — спросил Орлов, который тоже внимательно слушал объяснения Волгина.

— Да, они получали инструкции, но получали не по интернету и не по телефону. Это мы как раз бы быстро вычислили и выяснили — и кто дилер, и кто вообще все это затеял. Но в том-то все и дело, что передают они инструкции по «глухому телефону».

— Это как? — не понял Орлов и посмотрел на Гурова, но тот тоже только пожал плечами и в свою очередь посмотрел на Волгина.

— А так, — развел руками Цербер. — По утверждению тех наркоманов, которых мы опрашивали, все происходит следующим образом. Они, то есть покупатели, приходят в ночной клуб и тусуются там. На танцполе всегда много народу, и молодежь весьма тесно стоит друг к другу во время танцев. Одни приходят и танцуют, другие уходят выпить коктейль или в туалет... В общем, постоянное броуновское движение. Или,

как сейчас молодежь говорит, — движуха. Вот во время этой движухи в какой-то момент к потенциальным покупателям подходит кто-то сзади и быстро говорит, где и как он может взять дозу.

— И все? — усмехнулся Гуров и покачал недоуменно головой. — И вправду глухой телефон. И тот, кому говорят место закладки, даже не знает, кто ему его подсказал?

— Нет, — ответил Волгин. — Один наш заманчиво выглядящий казачок, то бишь агент из нарков, пытался оглянуться и посмотреть хоть краем глаза, но ему нож к спине приставили и сказали не смей этого делать, иначе ни дозы, ни жизни земной ему не видать. Так что такие вот дела.

— А закладки где делались — это хотя бы выяснили? — поинтересовался Орлов.

— Обижает, Петр Николаевич. Мои ребята работу знают. Сами пытались в клубах потереться и вычислить, что и как, но только пару записочек и смогли откопать — одна в женском, а одна в мужском туалете оказалась. Но это и всё. После того как был привод к нам пары нарков и расспросы на тему, кто и где и что, все закончилось. Ни тебе записочек, ни подозреваемых...

— По всей видимости, организовано все так, что дилеры знают лично каждого, кому продавали наркотики, а вот те, кто их знал, не догадывались, что они дилеры, — задумчиво ответил Гуров. — Так что там со смертями, то есть убийствами?

— Ах, ну да, это я просто увлекся, — потер подбородок Волгин. — Так вот, этот наркотик, мефедрон, сам по себе не смертелен, если соблюдать дозировку. Что, собственно, мы, а вернее, наши врачи и наблюдали, работая с наркоманами, которые пристрастились к этому наркотику. Но вот в тех трех случаях, когда наступала смерть, в этом дизайнерском наркотику, а вернее, в организме умерших находили еще и большое количество опасного яда — бродифакума. Это, если говорить бытовым языком, отравка для грызунов. Причем весьма токсичная и для человека.

— Но если так, то почему же с первого раза не заподозрили убийство? — нахмурился Орлов.

— А потому, Петр Николаевич, что некоторые наркоманы, которые, как говорится, любят особый «улет», заказывали себе мефедрон с добавлением этого яда.

— Зачем? — оторопело посмотрел на Волгина Гуров.

— А затем, что в малых дозах эта отравка продляет эффект эйфории. Вот зачем. Нам уже попадалась парочка таких нарков. Они нам и объяснили, что к чему. Только вот стоит такая доза несколько выше, чем обычная «соль», и не всякому она по карману. Да многие из молодых наркош не всегда и решаются на такой эксперимент. Одно дело — безопасно тащиться, а другое — думать, выйдешь ли вообще из отключки.

— Ага. Поэтому вы поначалу и подумали, что первые двое умерли от передозировки этого бродифакума, — предположил Лев Иванович. — И только после третьей смерти подумали, что это может быть не случайностью, а убийством. Так?

— Так, умник, так, — покивал головой Волгин. — Так что, будем работать?

— Будем, — согласился Лев Иванович и, покосившись на Орлова, пробормотал: — Как буд-то у меня есть выбор.

— Ну, раз будем, тогда поехали к нам, — не обращая внимания на ворчание полковника, подвел итоги беседы Волгин. — В курс расследования тебя введет подполковник Деев. Он сейчас со своей группой как раз разбирается с этим делом.

ГЛАВА 3

В коридоре им встретился друг и коллега Льва Ивановича — Станислав Крячко. Поздоровавшись мимоходом с Волгиным, Крячко чуть задержал Гурова и, кивнув на удаляющуюся спину Цербера, спросил:

— Это он по твою душу приезжал? Помощь нужна?

— Пока нет. Я еще сам не совсем в курсе, что за дело предстоит раскручивать, но похоже на серию убийств. Я тебе позвоню, когда узнаю все подробности.

— Сейчас на Азовскую?

— Да, буду вникать... — уже на ходу ответил Лев Иванович.

— Как Станислав поживает? — спросил Волгин, когда Гуров догнал его уже почти у самого выхода. — Помнится, лет пять назад угощал он меня пирогами своей жены, так до сих пор поминаются — вкуснейшие пироги.

— Нормально поживает. У нас, Сергей Федорович, все нормально, пока работаем. Но время неумолимо, сам понимаешь.

— Понимаю, — отозвался Волгин. — Сам иной раз задумываюсь о том, а что будет, когда отправят на заслуженный, так сказать, отдых.

* * *

Подполковник Деев оказался мужиком коренастым и брутальным, то есть, как сейчас это принято говорить, мужиком до мозга костей. Видно было, что спортзал — его любимое место в свободные от работы часы. Не будь он в форме с погонами, Гуров никогда бы не сказал, что это сотрудник МВД. Скорее, один из местных качков, которые занимаются бодибилдингом или боями без правил. Крепко пожав руку Гурову и представившись Виталием Андреевичем, он сразу же ответил на не заданный вслух вопрос полковника относительно своего увлечения тяжестями:

— Я еще со школы гири тягаю. Привычка.

Гуров улыбнулся, но ничего не ответил. Ему понравился Деев с его прямоотой и интуицией. Лев Иванович почувствовал в подполковнике родственную душу и подумал, что работать с ним будет легко. И не ошибся. Деев оказался не только сильным, но и умным, хватким и серьезным.

Он провел Гурова к себе в кабинет и познакомил со своей группой, с которой работал над розыском преступной группировки, поставлявшей СНИКерс на наркорынок.

— Что они поставляют? — не понял Лев Иванович значения знакомого ему слова. — «Сникерс» — это же вроде как шоколад такой.

— В данном случае «Сникерс» — это не шоколадный батончик, а народное название наркотика. Какой-то шибко умный наркоман его так назвал, — стала объяснять Льву Ивановичу Виктория Зимина — молодая женщина-психолог из группы, которая отвечала за проведение душевспасительных бесед с наркоманами. — Расшифровывается СНИКерс как «синтетико-наркотический иррациональный катенон». В принципе, такое название подходит не только к мефедрону, а ко всем амфетаминам, содержащим эфедрин.

— Понятно, — ответил Лев Иванович, хотя и все эти химические названия ему мало о чем говорили. — Так что там у вас с убийствами?

— Первый случай произошел в ночном клубе «Мутабор» еще в конце июля, — стал вводить

Гурова в курс дела подполковник Деев. — Нам позвонили работники «Скорой помощи», которые приехали на вызов. Молодой парень — как потом выяснилось, это был Антипов Валерий Алексеевич, двадцати трех лет, проживающий в Краснопресненском районе, — внезапно упал на танцполе.

Деев сделал небольшую паузу, сверяясь со своими записями, и продолжил:

— По свидетельству очевидцев, у парня изо рта вдруг хлынула кровавая пена, его стало рвать, потом он затрясся всем телом, упал, и его стали бить конвульсии, парень стал задыхаться. Сначала никто ничего не понял, но потом кто-то закричал, чтобы остановили музыку, что человеку плохо. Кто-то из ребят вызвал «Скорую». Ну а врач, когда «Скорая» уже приехала на место и констатировала смерть, позвонил в полицию.

— Смерть наступила практически через двадцать минут после того, как был принят наркотик с дозой бродифакума, — добавил медэксперт группы Олег Евгеньевич. — Доза яда превышала смертельную норму в десять раз. А в совокупности с амфетамином шансов, что парня удалось бы спасти, не было от слова «совсем». И что характерно, во втором и третьем случае дозировка была практически такой же и смерть наступала в течение девятнадцати-двадцати пяти минут после приема наркотика.